

Галина ЛАХМАН

г. Санкт-Петербург

Дмитрий не услышал вопрос коллеги, напряжённо вглядываясь в лежавшего пациента, в нём с трудом угадывались черты отца.

— Пришел в себя и всё время зовет Индуза-за? Может, это собака, из-за которой произошел сыр-бор?

От обезболивающих и снотворного старик спал. Лицо обострилось, нос выступил вперед, охватывающая голову и лоб повязка скрывала большую часть лица. Только руки с длинными пальцами и сточенными ногтями (незыблемое правило хирургов — спиливать ногти почти под корень) остались прежними.

Несколько дней назад по скорой его доставили в клинику в начале ночи. В городском парке подонок, стреляющий по животным из травматического оружия, выстрелил в старика в упор, когда тот пытался закрыть собой животное. Пули попали в плечо и в грудь, при падении с размаху ударился головой о камень и впал в кому.

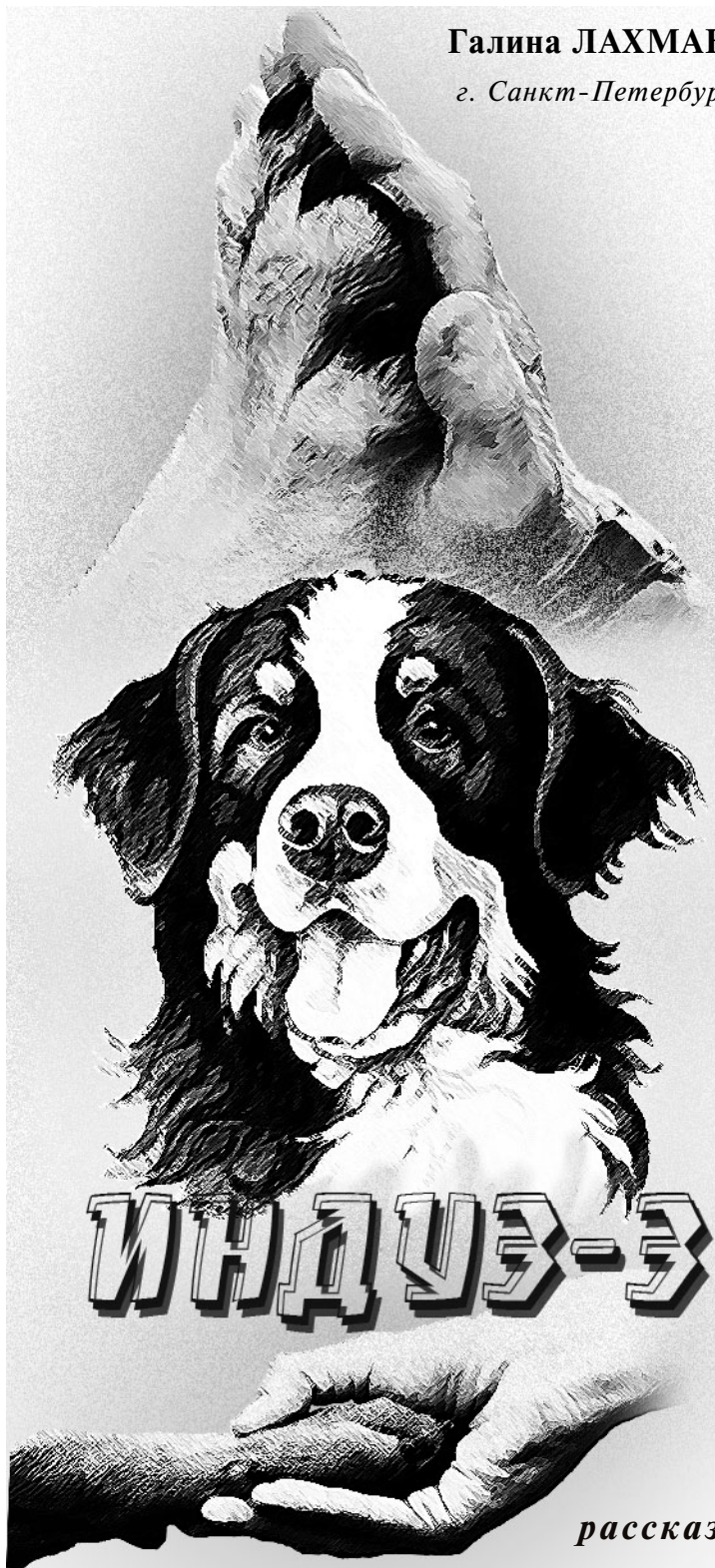
Происшествие попало в ночные новости. Сообщалось: потерпевшему на вид около семидесяти пяти — восьмидесяти лет, выглядит ухоженно, модно стрижен; руки со спиленными почти под корень ногтями говорят о непричастности к физическому труду; хорошо одет: найковские кроссовки, фирменная рубашка, джинсы.

Ни мобильного телефона, ни документов при пострадавшем не оказалось. Опознавших потерпевшего в распростертом на земле теле просили сообщить данные о нём. Но в телепрограмму, милицию и больницу никто так и не обратился...

Дома Дмитрия встретила безлюдная тишина. Близнецы отдыхали в спортивном лагере, старший сын Горка мотался с друзьями по Европе, жена навещала родителей в Крыму. Следов пребывания отца в квартире не наблюдалось. Возможно, из-за ссоры, случившейся накануне командировки, ушёл с собакой жить к себе.

Часы показывали далеко за полночь, и Дмитрий решил оставить звонки на утро. Выспаться так и не удалось, ни свет ни заря разбудили соседи по площадке.

рассказ

ИНДУЗ-Э

— Не дозвониться, не достучаться, всё ли у вас в порядке? Ваш щенок скулит у подъезда, но мы не можем его поймать.

Исхудающий Индуз-з радостным визгом ответил на зов хозяина, стал тереться о ноги, пытался лизнуть в лицо.

Городской телефон и мобильник отца молчали. Любимая тётка, родная сестра отца, гостила у дочери в Лозанне, племянники и знакомые ничего не знали.

Встревоженный и напуганный таким поворотом событий, Дмитрий сначала отправился в родительскую квартиру, но и там отца тоже не застал. Соседи по лестничной клетке утверждали, что он в квартире не появлялся. Приятели-собачники в последние дни с ним также не пересекались, решили, отправился куда-нибудь на отдых. Происшествие в парке взбудоражило всю округу, но никому в голову не могло прийти, что пострадавший окажется их знакомым.

Обзвонив с десятков близлежащих больниц в округе, Дмитрий обнаружил отца в одной из них.

Вняв уговорам сына, после кончины матери отец перебрался к Дмитрию в новую, только что купленную квартиру.

Дмитрий отца любил и уважал, и не только прислушивался, но и следовал его советам. После того как сын, а потом и внук пошли по его стопам и продолжили врачебную династию, начатую ещё их прадедом, отношения между ними стали ещё крепче.

Близнецы и названный в честь деда старший сын Горка в нём просто души не чаяли, смотрели в рот и ходили по пятам. Хвастались приятелям: клёвый, продвинутый, спортивный. В компьютерах рубит, машину водит, бегает по утрам трусцой.

И хотя отношения с невесткой с первого дня знакомства следовало назвать прохладными, совместное существование под одной крышей выработало определенный нейтралитет. Свёкор в семейные разбирательства не вмешивался, действия невестки не комментировал, считал, несмотря на несходство взглядов, её за многое следует уважать: в доме порядок, дети и муж ухожены, как работник тоже не из последних.

Все бы ничего, но дед поддерживал стремление внуков иметь собаку, а невестка такие намерения категорически отвергла. Мнительная от природы, постоянно скребла и мыла, патологически боялась микробов и инфекций, рассматривала животных исключительно как разносчиков какой-нибудь заразы.

Попытки детей завести или притащить с улицы какую-нибудь живность пресекала последовательно и жёстко.

— Никогда никому не позволю держать в доме такую гадость!

Дмитрий с женой в пререкания по этому поводу не вступал, но иметь собаку вовсе бы не отказался — было бы кого потрепать по холке, придя домой. Раньше отец всегда держал собак. Только когда заболела мать и обострились аллергические реакции, никаких животных больше не заводили.

Дома Дмитрия ждал сюрприз: взвинченная жена открыла дверь вернувшемуся с ночного дежурства мужу, не ответив на приветствие, ушла в комнату. А из дедова кабинета с весёлым лаем выкатился щенок чёрно-белого окраса породы лайка, с чётко выраженной полосой по крупу и иссиня-чёрным треугольником на весёлой морде. Отец отобрал щенка у мучивших его мальчишек.

Близнецы и Горка пришли от него в восторг, да и Дмитрий не скрывал радости от появления нового жильца в их стерильно выхоленном доме. Предложенные мальчишками варианты кличек дед отверг и нарёк почему-то щенка Индуз-зом, с непонятным акцентом на букве «з».

Место проживания жители окрестили земным и собачьим раем, парк с ручьём постепенно переходил в сосновый лес, так что проблемы с выгулом отсутствовали. Дмитрий решительно заявил жене: если часами не просиживать за компьютерами штаны, а гулять со щенком по очереди, вся семья здоровее будет. Мнение хозяйки дома в расчет не приняли. Поначалу она кипела и пыталась протестовать, но, наткнувшись на общий отпор семьи, внешне смирилась — загнала обиду глубоко внутрь.

С первых дней, как и свёкор, щенок её

страшно раздражал, но свое постоянное пребывание не в духе объясняла накопившейся годовой усталостью и возникшими проблемами на работе. Про себя решила: нужно повременить — и на её улице будет праздник. Хватит с неё того, что сначала на шею свалился отец мужа, а теперь ещё и его собака.

Отношения накалились накануне стихийно совпавших отъездов невестки в отпуск и хозяина дома в срочную командировку. Наглый четвероногий поточил зубы о ножки импортного стола и отгрыз каблук у специально купленных для поездки фирменных босножек. В отместку на брань хозяйки отгрызался, рычал да ещё куснул за ладонь. Попыталась шваброй образумить, обуздать распоясавшегося нахала. Руку осмотрели, обработали йодом, но особого сострадания никто не выказал. Рана пустяковая, пара красных пятен на тонкой коже никакой угрозы жизни не представляют. Щенок всего-навсего слегка сжал зубы.

За ужином обсуждали сюжет из программы «Life». В городе участились случаи насилия над животными. В парках, дворах, на улицах на глазах детей отстреливали ворон, кошек, собак. На защиту животных очевидцы пытались призвать полицию. Но она на подобные происшествия смотрела сквозь пальцы, дескать, у них и так забот хватает. Общество всколыхнулось, мнения разделились, одни утверждали, что бродячих собак и котов полно и если власти бездействуют, кто-то же должен чистить город. Других возмущала необоснованная и безнаказанная жестокость, протестовали и требовали немедля покончить с ней.

Мужчин за столом особенно потрясло известие, что собак и кошек отлавливают и продают в расплодившиеся китайские и корейские рестораны. Невестка же во всеуслышание заявила: бродячим животным не место в городе и с этим нужно бороться любым путем. Но, не найдя поддержки, разобиделась и ушла на кухню, гремела тарелками, сдерживая гнев и слезы, яростно шептала себе под нос:

— Ни собак, ни того, кто их заводит, в доме не было и не будет!..

Утром Дмитрий отбыл в командировку,

вслед за сыном в клинику ушёл отец. По-прежнему его регулярно приглашали на консультации или ассистентом на операции.

Обстоятельства складывались как нельзя лучше. Словно сама судьба давала шанс избавиться от собаки. Муж — в командировке, дети — на отдыхе, свёкра пригласили диагностировать пациента. Лето, пятница — на выходные все уезжают к себе на дачи. Самолёт вылетал во второй половине дня.

Женщина выставила к порогу упакованные для предстоящей поездки вещи — через пару часов приедет такси. Подозвала щенка, затащила потуже на нем ошейник и отправилась на прогулку. Вела его как можно дальше, добралась аж до самого ручья. На случай пропажи на внутренней стороне ошейника чернильным карандашом свёкор вывел адрес и телефон хозяев. Невестка сняла ошейник и мстительно рассмеялась — не подвело чутьё, оправдались её прогнозы: почуяв свободу, через ручей Индуз-з сиганул в лес...

Свёкру написала покающую коротенькую записку. Вышло, что у Индуз-за внезапно прихватило живот, он не находил себе места, скулил, бросался к двери, просился, чтобы вывели на прогулку, а там резко рванулся и выскользнул из ошейника — только его и знали. Как ни искала, как ни пыталась его дозваться, так и не вернулся. Для проформы несколько раз набирала номер свёкра, зная: на операциях, консультациях и обходах телефон выключен. Вытащила зарядку, бросила её в кресло, на случай, если тот вдруг перезвонит, зарядка для телефона осталась дома, а у неё разрядился аккумулятор.

Консультация затянулась, любящие его и обрадованные общением с ним сотрудники никак не хотели отпускать. В предвкушении прогулки с четвероногим другом в приподнятом настроении мужчина спешил домой. Торопливо открывал дверь, но на лязг замка Индуз-з не ответил привычным весёлым лаем.

Из написанной впопыхах записки следовало: Индуз-з сбежал, но когда, куда и где следовало его искать, в записке не сообщалось. Поднял с полу брошенные поводок с ошейником, натянул кроссовки, выскочил на ули-

цу. Обнаружил: в сумке забыл мобильник, — но из-за несвойственных суеверных соображений всё-таки не вернулся.

В надежде, что кто-нибудь подобрал собаку, вывесил объявление о находке, обошёл близлежащие дома и прогулочные площадки. Вряд ли перед отъездом невестка выгуливала щенка далеко от дома. Чертыхался, злился: не повезло, пятница — короткий рабочий день, городские жители уже к вечеру разъезжаются по своим дачам.

Метр за метром методично прочёсывал места, где обычно гулял с Индуз-зом. От ручья отправился на берёзовую опушку, свистел, кричал, пёс так и не отозвался.

Темнело, оставаться в парке было небезопасно. Следовало бы пойти домой, а с утра пораньше продолжить поиск. И тут показалось: в кустах промелькнул знакомый белый хвостик. С громким радостным криком «Индуз-з, Индуз-з!» через заросли бросился за ним вдогонку. В эту часть с Индуз-зом они раньше не забирались. На открывшейся поляне, бегая и наскакивая друг на друга, безмятежно резвилась пара собак. Видно, хозяева были где-то поблизости. Меж кустов мелькающий белый хвостик стремительно направлялся к собратьям.

Вдруг одна из собак, подпрыгнув, перевернулась и упала на землю в странно-нелепой позе. Другая взвыла, как от чудовищно сильной боли, и стала крутиться волчком на месте. Раздвинул заросли и наткнулся на спрятавшегося среди густых кустов прицеливающегося человека. Бежавший к товарищам по собачьим играм щенок служил мишенью.

— Не смейте! Сейчас же остановись! — не помня себя, рванулся наперерез стрелявшему.

Холодные насмешливые глаза, презрительная ухмылка, бандит развернулся и выстрелил в старика в упор...

— ...Где Индуз-з, пришёл ли Индуз-з с прогулки?

Первое, что спросил Горка, спросонья открыв глаза.

— Спи, родной, ещё очень рано. Спи!

Бабушка поцеловала Горку в лоб, но к две-

ри, как обычно, когда выпускала гулять собаку, не подошла.

В последнее время Горка с сестрёнкой спали одетыми, тесно прижавшись к четырёхлетнему псу Индуз-зу. Бабушка говорила, чтобы сохранить силы, надо как можно больше спать, дети во сне растут быстрее. За холодами придет весна, за весною наступит тепло и лето. И Горка, Лялька смогут целыми днями гулять на улице раздетыми и босыми вместе с Индуз-зом.

Как никогда свирепствовали морозы. Затянутые наледью окна с трудом пропускали свет. Уличный холод просачивался сквозь стены, а изо рта в помещении шёл пар.

С выведенной в окно трубой стоящая посередине комнаты маленькая буржуйка едва обогревала полуподвальное помещение бывшей дворницкой. Старая дворничиха умерла, предполагалось, что её обязанности перейдут бабушке, поэтому эвакуированную семью поселили в доме на городской окраине. Но должность дворника заняли кем-то из своих, а семью из дворницкой выселять не стали.

Каждое утро Горка слезал с заменявшего им кровать настила и ставил на подоконнике отметку карандашом. По отметкам считали, как долго не приходила Ирла. Иногда выходило, что больше тридцати дней. Ирла работала в цехе на сборке танков. Смены длились по двенадцать-четыре часа кряду.

После того как в силу вступило правительственное постановление, независимо от причин и возраста провинившегося, опоздание или самовольный уход с работы по законам военного времени приравнивать к дезертирству и карать нарушением свободы, в вечерние или ночные смены Ирла оставалась ночевать в цехе.

На заводе кормили и выдавали работающему пищевой паёк. Восемьсот граммов ржаного со жмыхом хлеба в день. Каждый месяц — пара стаканов пшенки, гороха или перловки. Нехватку мяса восполняли сушеными грибами и воблой, а иногда — и немыслимое для войны соковище! — соевым молоком. Ирла сливала его в бутылку и все до капли несла домой.

Ирла оканчивала машиностроительный

техникум и проходила преддипломную практику на заводе. Как только к городу стали подходить немцы, завод с работниками эвакуировали на Урал. Учитывая, что родители детей на фронте, вместе с Ирлой в эвакуацию отправили племянников и её мать.

Как ни старалась, ни билась бабушка, заставляя внимательно слушать и правильно повторять слова, ничего не смогла поделать, дефект остался. Брат и сестра грассировали, поэтому Ира стала Ирлой, что закрепилось милым домашним прозвищем.

Окна дворницкой поднимались над землёй сантиметров на шестьдесят, но в ожидании долгожданной тётки дети часами просиживали у окна. Играли в прохожих, придумывали, кто и куда идёт, как выглядят, как одеты, какие у пешеходов лица.

Часто затеивали игру в больницу, Горка исполнял то роль доктора, то отца, Лялька — хирургической сестры и матери попеременно. Пациенткой и дочкой служила целлулоидная кукла-голыш Маша, не послушавшаяся бабушку и схватившая чудовищную простуду, играя самолётиком на холодном земляном полу.

Куклу и самолётик подарили при расставании, уходя на фронт, родители — выпускники медицинского института. Трёхлетняя дочка Лялька и пятилетний Горка остались на попечение маминной младшей сестры и бабушки.

Тоскующим по вниманию и родительской ласке внукам показывали уцелевшие при переезде снимки. Рассматривали внимательно и подолгу, прижимали к груди, целовали, гладили растопыренными ладонями. Насмотревшись на фотографии, устраивали возню с собакой. Барахтались, боролись, перетягивали с ней палку. Горка любимца дрессировал и отрабатывал с ним всяческие команды. Зимой впрягал в сколоченные из досок с привязанной к ним верёвкой санки. Играл в наездников, Ляльку катал верхом. Когда сестрёнка смеялась, на тонком прозрачном личике появлялась редкая трогательная улыбка.

— Просыпайтесь, сони, поднимайтесь и будем завтракать!

От слабости Горка не сразу открыл глаза,

последние две недели они ничего не ели, пили овсяный кисель и приправленную мукой или крахмалом воду.

Но сразу забеспокоился, где Индуз-з, почему у Индуз-за пустая миска? Бабушка всегда собаку кормила первой.

— Сразу помногу есть нельзя, будет плохо, — и стала по очереди кормить с ложечки.

От горячей и сытной пищи ребят сморило, и они забылись тяжёлым сном.

Индуз-з так и не возвращался, и Горка всё норовил высунуться на улицу, позвать собаку. Повелительным резким окриком бабушка отгоняла его от двери.

Выходные Ирла проводила в мелких домашних хлопотах. Грела воду, устраивала постирушки, мылась за занавеской из ветхой простыни, подшивала валенки, латала расползающуюся одежду.

Близился Новый год, общий любимый праздник, но ни настроения, ни праздничной подготовки в доме не ощущалось.

Пару недель назад угрюмая почтальонша принесла и, не говоря ни слова, протянула бабушке серый почтовый треугольник. Постояла, помедлила и протянула ещё один — второй. Побледневшая бабушка сразу конверты вскрывать не стала, не читая сунула их во внутренний карман.

Ночью Горку разбудил непонятный шум. Раскачиваясь как пьяная из стороны в сторону, у керосинки сидела бабушка. Стонала, как стонут от нестерпимой боли, в руках держала какие-то бумаги. Заметив, что внук проснулся, осипшим голосом велела спать.

Ирла неожиданно появилась к вечеру. Детей уложили, а дочка с матерью остались чаёвничать за кухонным столом.

— ...Как ты могла, ну как ты могла? — голос дрожал, по Ирлиному лицу катились слезы: — Алексей вернётся — что я ему скажу?

Мать смотрела на дочь в упор. Вытащила из кармана сложенный треугольником конверт и, ни слова не говоря, как почтальонша, даже не разжимая губ, дала один, потом протянула и второй. Ирла вскрикнула, зажала ладонью рот, побледнела и стала медленно оседать на пол. Мать

подхватила дочь, усадила на табуретку, обняла и прижалась к её спине. Ирла как-то сразу состарилась и стала выглядеть её ровесницей.

Ночью Горке опять приснилось, что соседская беременная собака скулит, как тогда, когда пьяный мерзавец с размаху ударил её ногой в живот. Утром они с Лялькой проснулись, а Ирла уже ушла.

Горка очень гордился тёткой. По его мальчишескому разумению, Ирла являлась сказочной красавицей и никто из знакомых девушек с ней даже близко не мог сравниться. Стройная, сероглазая, насмешливая, длинноногая. Горку несколько не удивляли многочисленные поклонники, ходившие за Ирлой по пятам. Но из всех парней, ухаживающих за его тёткой, Горка особо выделял курсанта-танкиста Алексея. Ирла познакомилась с ним до войны, но всем сразу понравился этот серьёзный и умный парень. Все в голос твердили: прекрасная будет пара! С пшеничного чуба, волевого скуластого лица встречные девушки не сводили глаз.

Осенью Алексей приезжал на завод за танками и в составе вновь сформированного танкового эшелона отбыл под Сталинград. Горке Алексей подарил пилотку. Мальчик не снимал её, даже когда ложился спать. Пахнувшая потом, порохом и костром, пилотка напоминала ему отца. Горка улавливал эту смесь запахов, когда он сначала подкидывал сына в воздух, а потом прижимал к груди.

Наблюдательный Горка помнил: до войны Алексей ни спиртного, ни сигареты в рот не брал. А теперь пил привезённый с собою спирт и смолил не переставая. И пшеничного цвета чуб превратился в белый, как у дремучего старика.

Вести с передовой приходили от него всё реже. Ирла теряла голову, плакала и не находила себе места. Бабушку отличали стойкость, спокойствие и мужество.

— Держи себя в руках! Даст бог, выживет в этой чудовищной мясорубке!

Письма с фронта хранились в жестяной прямоугольной коробке из-под монпансье. Рано научившийся читать Горка потихоньку доставал их и перечитывал.

Родители в основном расспрашивали о детях, о себе сообщали парой скупых строчек: в госпитале, по многу часов проводят в операционной.

Письма Алексея дышали ненавистью и болью: «Буду мстить до последней капли крови и беспощадно убивать врага за сестрёнку, за мать, за нашу Родину...» Горка воображал объятые огнём хаты и как он впереди отряда с автоматом наперевес с Алексеем безжалостно бьёт фашистов. Каждой клеточкой ощущал его ненависть и боль. Но сколько ни старался, всё же не мог представить, как Алексей, над которым подшучивали, что он и мухи не обидит, становится беспощадным.

Однажды Горке прохожий подарил коробку с монпансье, дно её устлало разноцветные маленькие леденцы. Рано хлебнувший лиха и повзрослевший до поры Горка несколько не сомневался: это щедрый и даже сказочный подарок. Прохожий на улице насильно сунул Горке коробку в ладонь и сказал, что идёт на фронт, так как всех родственников его убили, а его сынишка, ровесник Горки, затерялся один в осаждённом немцами Минске. Горке навсегда запомнился человек с добрым и усталым лицом в нелепо сидящей военной форме. Лёжа без сна, представлял оставшегося в оккупированном фашистами городе похожего на него мальчишку, и ему за него становилось страшно.

Бабушка выдала детям по леденцу, а остальные припрятала на чёрный день, а коробку приспособила для хранения фронтовых писем.

— Игорёк, ну зачем ты опять достал коробку? Ира будет ругаться, ты читаешь адресованные ей письма.

Горка не отвечал, он искал те самые странные треугольники, их в коробке почему-то не оказалось...

В один из своих приездов за танками на завод Алексей навещал родителей фронтового друга и вернулся от них с собакой-лайкой. Коротая время в ожидании пригородной электрички, заметил забившегося под лавку щенка. Шерсть и кожа на шее хранили следы удав-

ки. С отмеченной чёрным треугольником лобастой морды смотрели голодные слезящиеся глаза. Закручивающийся кольцом хвост оканчивался белой кисточкой, на лапу с белым гольфом щенок хромал. Лайка, такая же, как была у его отца! Не сводя глаз с куска домашнего пирога с капустой в руке Алексея, щенок, прихрамывая, подошел к нему.

Кровь отхлынула от лица, больно заняло сердце. Прямо во дворе фашисты расстреляли отца и мать, закололи ножом сестрёнку, а дом спалили. Лайку застрелили из автомата. Защищая хозяев, верный четвероногий друг бросился на стрелявшего фашиста. Об этом поведал соседский парень, сумевший ночью уйти из города, волей судьбы попавший в ту же, что и Алексей, роту.

С чувством вины вопросительно смотрел он на бабушку, когда привёл им в семью лишний рот. И хотя Ирла уже прижимала щенка к груди, как и его спаситель, пёс не сводил глаз с бабушки, словно почувствовав: именно от её решения зависит его судьба.

Запаршивевшего новоявленного жильца срочно пришлось приводить в порядок. Чтобы избавить от блох, смазали керосином шерсть, благо было ещё тепло, отмывали хозяйственным мылом и тёплой водой в жестяном корыте. В нём обычно купали Ляльку и мыли Горку.

Бабушка постелила щенку в углу, строго наказав: отныне это собачье место. Дети не отходили от бабушки ни на шаг, как могли, пытались помочь. Но когда встал вопрос, как щенка назвать, дело чуть не дошло до драки. Вовремя вмешавшийся Алексей предложил щенку дать кличку собаки легендарного пограничника Карацюпы. Про подвиги пограничника Карацюпы снимали фильмы, писали статьи в газетах. И вся красногалстучная поросль большой страны мечтала, как он, ловить диверсантов и защищать границы. Первого верного боевого пса Карацюпа назвал Индусом, потом на смену погибшему пришел Ингуст.

— Ингуст, Индус! — распевал Горка на все лады, ему очень нравилась эта кличка. Лялька, научившаяся выговаривать букву «з», вто-

рила в унисон брату. Звонкие свистящие звуки у неё отменно:

— Индуз-з, Индуз-з!

Дружно смеялись, на её призыв пес ответил веселым лаем.

Вечером в составе вновь сформированного танкового эшелона Алексей отбывал на фронт.

Бабушка вернулась из магазина всклокоченная, смертельно бледная. Зубы стучали о край жестяной кружки в дрожащих руках. Едкий запах валериановых капель наполнил дворницкую. Из угла с иконкой Владимирской Богородицы (когда-то бабушке её подарила мать) доносились благодарственные слова молитвы. Встревоженный Горка бросился к ней с вопросами, но бабушка явно его не слышала, ушла в себя.

Во дворе соседи поносили власть за распоясавшихся мародеров.

— Беспредел! Куда только смотрят?! Нападают среди бела дня, отбирают продовольственные карточки, продукты.

Горка понял, что на бабушку кто-то хотел напасть.

Морозы усилились, температура достигла минус сорока градусов. Буржуйку топили не раз, а два в день, но даже в пальто и валенках ноги стыли. Ляльке запретили спускаться на ледяной пол. От недоедания у неё развился рахит, не ходила — ползком передвигалась.

Горка недоследил, девочка простудилась. Металась в бреду, её сотрясал озноб, плачущим тонким голосом звала мать.

Случай внезапного нападения вызвал неизгладимый ужас. Бабушка пугалась внезапных шагов, при виде случайного встречного бешено колотилось сердце. Оглядывалась и озиравалась, не видно ли подозрительных лиц рядом.

Прежде чем отправиться отоваривать карточки в магазин, долго раздумывала, взять ли с собой Индуз-за... Решилась идти одна, быстро не обернуться, пусть сторожит внуков.

Сводки с фронта поступали неутешительные, на всех направлениях шли бои, войска несли многочисленные потери. Норму продовольствия сократили. Люди раздражались по каждо-

му пустяку, костерили войну и власть, голод и время, и всё на свете. Стояние в очереди затянулось на несколько часов. Мордатые сытые продавщицы не спешили распределять товар.

Бабушка не заметила, как пролетело время. Из головы не шли разбившие сердце и сразу состарившие её вести. Старшую дочь и зятя прямо в операционной разорвало снарядом. Теперь на её руках осиротевшие и ни о чём не догадывающиеся малыши.

Во второй похоронке говорилось о гибели Алексея. В подбитом горящем танке он врезал во вражескую танковую колонну.

Погружённая в мысли о старшей дочери, зяте, о том, как сообщить младшей о гибели жениха, не заметила, что за ней давно наблюдают двое. Сунула карточки за пазуху, аккуратно сложила продукты в сумку, детвора без присмотра в её отсутствие провела весь день.

Тревога за малышей притупила страх, бросилась со всех ног домой, выбрав самый короткий путь между дровяными сараями и погребам. Острая внезапная вспышка боли в теменной части лишила сознания и прервала бег...

Положив лобастую голову на лапы, Индуз-з дремал, но стоило Горке подойти к двери, рычал и сразу же открывал глаза. Что ни говори, нянька вышла из него замечательная! Как-то Горка в отсутствие взрослых вознамерился поиграть со спичками. Пёс хулигана держал в углу, пока не вернулась бабушка.

В ожидании мальчик не находил себе места, прислушивался, подбегал к окну. Чувствуя, что что-то произошло, Горка принял решение искать пропавшую.

Подоткнул одеяло со всех сторон, чтобы малышка не смогла выбраться из-под него или сбросить, чтобы ненароком не упала в бреду с кровати, пододвинул к ней стулья и табуреты. Натянул валенки, вытертое подаренное соседями пальтишко — его шубейка давно перекочевала к Ляльке, свистнул лайку и тщательно прикрыл дверь.

Возле магазина и на близлежащих улицах бабушки не оказалось. Перепуганный, обессиленный от усталости и отчаяния, всхлипывал и кидался ко всем прохожим.

— Бабушку мою не видели?

Отмахивались или проходили мимо — война, сколько их, таких бабушек, не вернувшихся домой из очереди.

Сдавливая рыдания, размазывал по лицу слезы. Неожиданно вспомнил, как обученные собаки ищут нарушителей и берут след. Вытащил из кармана сунутый бабушкой носовой платок.

— Ищи, Индуз-з! Ищи!

За сараями увидел, как копошатся над кем-то склонившиеся фигуры.

— Ату, Индуз-з, ату!

Индуз-з рванулся, скачками настиг налетчиков, прыгнул с разбегу и сбил мародера в снег. В руках напарника блеснул нож, он со всего размаху ударил Индуз-за в шею. Пес подпрыгнул и яростно бросился на нападающего. Тот изогнулся и ловко нанёс еще удар. Раздался дикий собачий визг. Налётчики скрылись между сараями.

На снегу с нелепо подогнутыми ногами лежала бабушка. На её платке запеклась кровь. Брошенные при бегстве валенки валялись неподалеку. Поодаль в сугробе Горка подобрал обкусанный кусок хлеба.

— Бабушка, миленькая, вставай! Как мы с Лялькой без тебя будем?!

Не чувствуя холода, сгребал руками снег, прикладывал то к темени, то к бабушкиному лицу.

Очнувшись, она пыталась подняться, но не смогла. Голова кружилась, ноги подкашивались, накатывали приступы чудовищной тошноты. С помощью внука ей наконец-таки удалось встать.

Горка не помнил, как добрались до дома, как уложил бабушку на кровать, схватил салазки и бросился за отставшим от них Индуз-зом.

Не чуя под собой ног, глотая холодный воздух, преодолел путь. Поместил скулящего пса на доски и, напрягая силы, зашагал в гору.

Поначалу бабушка испугалась и стала паниковать, но взяла себя в руки и стала взвешивать, как будут жить. И продукты, и продовольственные карточки на четверых пропали. Ирлины карточки тоже отоваривала она.

Золотой свадебный медальон с портретом

погибшего в сталинских лагерях мужа и серебряный портсигар отца предстоит продать. Из одежды нужно расстаться с довоенным шёлковым платьем дочери и парой выходных туфель. Девочка изо всех сил берегла наряд, говорила, что отдаст его только в случае крайней необходимости.

Оставшуюся от дворничихи отравленную крысами пшеницу для безопасности можно выдержать на морозе. Есть небольшой запас муки, картофеля и овощей. Из овсянки можно варить кисель, из картофельного крахмала — тюрю. Ну, а там, дай бог, вернётся с завода Ирла.

Состояние внучки ухудшалось. В груди хрипело, какой-то день никак не могла прийти в себя. Да и Горка от слабости больше спал. Пристроившись между детьми, Индуз-з согревал их своим теплом.

Судя по всему, нападавшие оказались из числа рецидивистов. Раны гноились, пёс с трудом держал голову и припадал на лапы. Тронутый бабушкиными мольбами военврач из госпиталю осмотрел Ляльку и заодно Индуз-за.

— Организм слабый и вряд ли справится. Тепло, сульфаниламид, усиленное питание, но где их взять? Ну а собака? Вы сами знаете...

И обречённо махнул рукой.

Вечером под подушкой бабушка обнаружила оставленный доктором кусок рафинада и четвертушку хлеба. Медальон обменяла на скипидар и сульфидин, портсигар отдала за склянку с прогорклым рыбьим жиром. Жир прокипятила на керосинке, в спекшиеся от жара губы Ляльки вливала по капле в рот. Горку с Индуз-зом кормила тюрей. Себе позволяла лишь пару ложек, глотала кипячёную воду и заставляла детей пить маленькими глотками.

В шкафу наткнулась на припрятанные конфетки из подаренной жестяной банки. Вкладывала их детям утром и вечером в рот по штучке. Возносила Богу молитвы за того прохожего и его неоценимый для них подарок. Если бы сын его нашёлся, взяла бы к себе.

Из-за морозов транспорт практически не работал, трамваи ходили порой раз в день. По городу расползались слухи: за шапку-ушанку или плохонький пуховый платок платили жизнью.

Путь от завода до дома занимал около трёх часов пешком. Время шло, но Ирла не приходила.

В то утро у Индуз-за отнялись лапы. И сквозь муть, затягивающую радужную роговицу глаза, в комнату стал просачиваться иной мир. Бабушка выставила на стол кастрюли и жестяные миски. На куски разорвала чистую выстиранную тряпицу. Сапожное шило, топор и нож тщательно долго точила рашпилем. Держа лобастую голову на лапах, Индуз-з с трудом наблюдал за ней. В углу с иконой шептала слова молитвы. Потом в обнимку, пока за окном не начало светать, лежала, вплотную придвинув своё лицо к горячей собачьей морде.

Индуз-з тяжело дышал, на ласку не отвечал, не двигался, и из глаз обоих катились слёзы. Встала, в последний раз рукой провела по крупу, по голове. Глаз не открыл, только лизнул ей руку...

Горка наелся и слабым голосом звал Индуз-за.

— Гуляет твой Индуз-з. На улице потеплело. Вот нагуляется и придёт.

Как ни кидался на каждый шорох у двери Горка, как ни надеялся, не дождался. Индуз-з не явился ни через день, ни через неделю.

С Лялькиного лица сползла восковая бледность, к Новому году девочка пошла на поправку. Горка, как мог, развлекал сестрёнку, придумывал сказки, старался растормошить и изо дня в день настойчиво ждал Индуз-за.

Кукла-голышка в подаренном феей платье из девочки-замухрышки преобразалась в сказочную принцессу.

— Вырастешь — превратишься в сказочную принцессу. У тебя глазища огромные, как у мамы! — Горка споткнулся на полуслове и прикусил язык.

— Как мама? Красивая? Я на неё похожа? Скажи, бабуля, какое бы платье мне мама сшила на Новый год?

Лялька всё чаще донимала бабушку расспросами о родителях. Горка, напротив, разговоров на эту тему старательно избегал.

Бабушка проглатывала подступающий комок к горлу, чтобы дети, не дай бог, не увидели-

ли её боль, пряталась в иконный угол. При керосинке глубокой ночью перебирала и перечитывала письма. Боялась себе признаться — она начала сдавать, дышала со свистом, чудовищно отекали ноги, рывками и с перебойми билось сердце.

— Милые вы мои, родные, красивые, молодые! Господи, за что? Лучше бы это была я!

В форме, с перехваченной ремнём талией, с тонкой шеей и коротко стриженными волосами Ирла смахивала на мальчика-подростка. Голос звучал до неузнаваемости сурово.

— Мама, прости! Ты только не обижайся! Я ухожу на фронт.

Смахнула набежавшие на глаза слёзы, охнула, перекрестила и крепко прижала дочь.

— Храни тебя Бог, родная!

Новый год встречали без Ирлы и без Индуза. Невесть где добытую бабушкой еловую пахнущую смолой лапу нарядили парой конфет и завернутыми в фольгу орехами, выданными Ирле сухим пайком. Накануне праздника бабушка затеяла уборку. Перестирала бельё, подмела пол, переложила в шкаф вещи. Выложила под ёлку приготовленные для детей подарки. Около полуночи позвала их за стол.

На привычном месте не оказалось коврика и собачьих мисок. Горка посмотрел на ба-

бушку, но она отвела взгляд. Безучастно дождался, когда же наконец пробьёт полночь. Сразу выбрался из-за стола и с головою забрался под одеяло.

Утром, Лялька еще спала, бабушка разбудила внука и велела сесть за стол напротив.

— Ты взрослый, старший! И ты всё понял. Жизнь жестока, ты просто обязан жить. Жить и верить: война закончится! Потерпи, победа не за горами. У меня большие проблемы с сердцем. Я не вечна, ты должен знать, ты мужчина и тебе одному придётся поднимать сестрёнку...

— Где, Индуз-з? Пришёл ли домой Индуз-з? Старик проснулся и сразу заметил сына.

— Всё хорошо! Выздоровливай! Он дома...

□

Галина Иннокентьевна ЛАХМАН

родилась в г. Магнитогорске.

Окончила архитектурный факультет Института живописи,

скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина

при Российской академии художеств.

Член Союза архитекторов России.

Пишет стихи, прозу.

Автор поэтического сборника «Солнечные сети» (2010).

Публиковалась в периодических изданиях,

в том числе в журналах «Изящная словесность», «Нева».

